

ЕВРОПА — ВЕТХИЙ РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ ПЯТИ КОНТИНЕНТОВ

6—8 октября 2003 г.

— Новая газ.

Майкл Ондаатже известен русскому читателю как автор романа «Английский пациент» (Букером-1992 награждена книга, девять «Оскаров»-1997 получил фильм, снятый по мотивам романа). Майкл Ондаатже — автор еще девятнадцати книг, четырежды лауреат высшей литературной премии Канады. Замечательный стилист (по единодушным отзывам иноязычных критиков). Живой классик канадской прозы.

Он родился в 1943 году, в Шри Ланке, в семье голландско-тамильского происхождения. Пишет по-английски. Реальность мультикультурного мира воплощает в себе и осмысляет в прозе, идя против мейстрима рубежа веков.

Роман «Английский пациент» много глубже фильма. И уж никак сводим к военной lovestory с обертонами крупного шпионажа. Единственная уступка Ондаатже эпохе скоротечности — лаконизм и ясность. Но стремительный текст насыщен цветами и запахами Лондона, Фьеоле, Каира. Насыщен символами и знаками истории нового

— Вы только что во время русско-канадской литературной дискуссии говорили, как важен миру опыт мультикультурных людей и семей. Но ваша проза отлична от других книг, осмысляющих этническую пестроту мира. Герой вашего «Английского пациента», лейтенант саперов Кирпал Сингх, индеец. Чистокровный сикх. Однако он, несомненно, чувствует себя приемным сыном старой Европы! Его глазами читатель романа видит Лондон и Флоренцию. Я не помню, кто еще в 1990-х писал о них так нежно, с таким восхищением полнотой старой культуры, как вы. И Кирпал Сингх, кажется, — в большей мере «английский пациент», чем раненый старый разведчик — другой персонаж романа. Так ли это?

— В немалой степени — так. Но у Сингха — очень сложное отношение к «старому Западу». И определяет его финал романа: уход Сингха, его возвращение из Италии в Индию, домой, сразу

после того, как Америка сбросила бомбы на Хиросиму и Нагасаки. И, если помните, в этот момент индеец Сингх ощущает кровное братство с японцами. А между ним и его английской возлюбленной пролегает черта, которую уже нельзя перейти.

Конечно, Сингх — приемный сын Запада. Сингх стал наследником «английского пациента». И отношения между ними — отношения отцов и детей: кровное родство, любовь, борьба, стремление освободиться!

Неслучайно Сингх в романе так пристально смотрит на картину Караваджо, на которой изображены Давид и Голиаф. И самое важное для Сингха — то, что и Давид, и Голиаф на этом полотне — автопортреты Караваджо: он изобразил себя и юным, и старым. И победителем, и жертвой...

После атомной бомбежки 1945-го Запад, родина гуманизма, действительно перестал быть моральным центром мира. А попытки американцев

времен: от флорентийской академии гуманизма до Хиросимы. А внутри романа, несомненно, скрыт историко-философский трактат о «краху гуманизма», о конце Нового времени. О том, что Запад перестал быть центром мира. О том, как будут относиться к «старому Западу» мультикультурные цивилизации будущего.

Трактат этот создан убежденным гуманистом. В тексте — почти приговор, но и несомненное признание в любви. И сам Запад предстает у Ондаатже не нью-йоркским Гарлемом, не трущобами Лондона и окраинами Парижа. А виллой тосканского мыслителя Полициано, автора термина «гуманизм». Но дом с фресками Боттичелли полуразрушен Второй мировой... Сад запущен и одичал. Юная медсестра героически пытается расчистить его хирургическими ножницами.

...Эта сцена — почти эпиграф ко всему тексту. Именно так расчищает настоящая литература души читателей. Занятие это кропотливо и безнадежно. Бросать же его никак нельзя...

предать это забвению, постоянные подчеркивания событий в Перл-Харборе усилили эффект. Это сложное, но сильное ощущение: для моего поколения — одно из главных исторических событий нашей жизни.

Но в «Английском пациенте» для меня очень важен еще один мотив романа. Четверых героев на полуразрушенной вилле Полициано случайно сводит война, перемещающая волны людей по миру. И вот размываются отношения «герой — злодей», «союзник — враг». Четверо людей, забыв о них, образуют новое сообщество. И только эта модель отношений, полагаю, несет надежду миру.

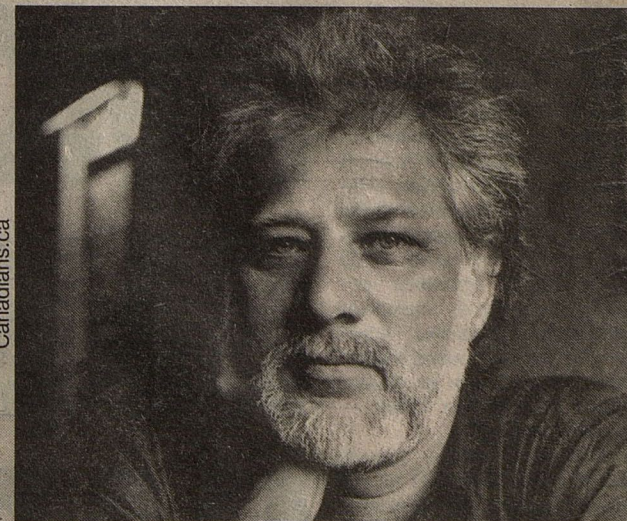
— Что символизирует в книге вилла гуманиста Полициано, друга Боттичелли и Лоренцо Медичи, в холмах над Флоренцией? Важно ли то, что война свела ваших разноликих персонажей именно там?

— Да, конечно. Это общий для них духовный «ро-

Майкл ОНДААТЖЕ, автор «Английского пациента», считает, что Запад перестал быть моральным центром мира

дительский дом». Дом и сад старой европейской культуры. Но эта вилла обветшала и полуразрушена Второй мировой войной.

— Как вы полагаете, мир XXI века спокойно войдет в эпоху мультикультурности? «Центр больше не держит», — говорил Йиетс о Европе. Этот ветшающий центр мира принес остальному человечеству неисчислимые дары (и для меня ваш «Английский пациент» — прежде всего книга об этом). Но принес и неисчислимые беды... Этот старый мир ждет некое возмездие?



Canadians.ca

— Мультикультурность, осознание родства всего человечества с этим старым миром, старым «центром» — залог спасения, спокойствия и надежды! Я знаю, что мондиализм, стирание граней между странами и этносами несет в себе и рост национализма — угрюмого племенного чувства. Их очень трудно разделить, эти две стороны одной эпохи. Мультикультурность, равновесие разных начал, слияние кровного и воспринятого у других в одном человеке — залог равновесия в мире, в истории будущего!

— Переводятся ли на русский еще какие-то ваши книги?

— У меня пока не было никаких переговоров и предложений.

— Какие ваши романы переведены на французский и немецкий?

— Все — на оба языка.

— Какие свои книги вы рекомендуете читателю в первую очередь?

— «Призрак Анны». И «Бегство в семью» — мой первый роман.

● Беседовали Елена ДЬЯКОВА, Виктория ИВЛЕВА

Ондаатже Михаил

8.10.03